

ЗАМЕТКИ
УВЯДАЮЩЕЙ РОЗЫ

КОСТРЮКОВА ДАРЬЯ

Дарья Кострюкова

Заметки увядающей розы

<https://litres.ru/73930911>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она увядала в сером мире, где эмоции стали слабостью, а люди разучились чувствовать.

Адель — двадцать пять лет пустоты. Она живёт в городе, где небо никогда не бывает синим, а дни похожи друг на друга, как капли воды. У неё нет ни желаний, ни надежд, ни даже сил на отчаяние. Есть только балкон на двенадцатом этаже, с которого видно чужую жизнь, и старая брошь с увядшей розой в янтаре, появившаяся в её жизни так же загадочно, как и сама смертельная тоска.

Но однажды брошь приводит её туда, где время течёт иначе. Здесь Адель встречает его — загадочного незнакомца в чёрном.

Но прошлое не хочет отпускать свою жертву, а настоящее готовит ловушку, из которой нет выхода. Адель предстоит узнать, что значит терять и обретать снова, что происходит, когда роза, застывшая в янтаре, наконец, распускается, и что, когда полностью увядает.

!Предупреждение: все исторические фамилии и титулы в книге приписаны вымышленным персонажам и не связаны с реальными историческим личностями или событиями!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Сонный ангел	10
Глава 2. Последний лепесток	17
Г	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дарья Кострюкова

Заметки увядающей розы

Пролог

Нет истории, которую не смогли бы рассказать книги. Миллионы страниц, исписанных чернилами, хранят миллионы жизней – выдуманных и настоящих, счастливых и разбитых. Книги помнят всё. Они помнят, как пахли цветы в садах, которых больше нет. Они помнят образы людей, которые истлели в земле столетия назад. Они помнят каждую слезу, упавшую на их страницы, каждый вздох, каждое признание. Мы живём, радуемся, любим, учимся быть людьми – прекрасными братьями и сёстрами, любящими детьми и родителями. Мы пишем свои истории на песке времени, надеясь, что волна не смоет их до того, как кто-то прочтёт.

Но почему мы всегда что-то кому-то должны?

Это слово – «должны» – вьелось в нашу кожу, пропитало каждую клетку, стало второй кровью. Мы должны родителям за то, что они нас родили. Должны учителям за знания. Должны начальникам за зарплату. Должны партнёрам за любовь. Должны обществу за то, что оно терпит наше существование. Должны, должны, должны... А кто должен нам? Кто вернёт нам право просто быть? Не быть удобными, не

быть правильными, не быть шестерёнками в огромном механизме, а просто быть – с правом на усталость, на слабость, на минутную глупость, на желание сесть посреди дороги и заплакать навзрыд, не думая, кто идёт мимо.

Ну да... Именно из-за них. Именно из-за других людей. Они – зеркала, в которых мы обязаны выглядеть безупречно. Они – судьи, которые всегда носят с собой невидимую мантию. Они поглощают нас, они кричат своими взглядами: «Как только ты издашь малейшую эмоцию, я буду смеяться, я начну снимать тебя на телефон, я буду обсуждать тебя за спиной, пережёвывать твою слабость, как жвачку, и выплёвывать, когда она потеряет вкус».

Я видела это тысячу раз. Девушка плачет в парке на скамейке – мимо проходит пара, женщина оборачивается, толкает спутника локтем, они шепчутся и улыбаются. Мальчик упал с велосипеда, разбил колено, губы дрожат – отец не обнимает, а шипит: «Прекрати ныть, все смотрят!». Старик медленно идёт по переходу, не успевает на зелёный, водители сигналият, кто-то опускает стекло и орёт: «Шевелись давай, дед, не задерживай!». И старик ускоряется, хотя сердце уже колотится где-то в горле, потому что он должен быть удобным для других.

Когда люди стали такими жестокими? Когда проявление эмоций стало слабостью? В животном мире демонстрация уязвимости – сигнал к нападению. Неужели мы скатились до уровня зверей, которые только и ждут, чтобы вцепиться в

горло тому, кто приоткрыл свою боль? Но звери хотя бы не лицемерят. Они не улыбаются в лицо и не скалятся за спиной. А мы научились. Мы мастера двойных стандартов, чемпионы по притворству.

Самое сложное – понять себя. Пока ты не разберёшься в собственных лабиринтах, пока не найдёшь выход из своих личных тупиков, ты не имеешь права требовать понимания от других. Но мы и не требуем. Мы просто хотим, чтобы нас оставили в покое. Чтобы разрешили быть собой – без масок, без ролей, без вечной игры в приличного человека.

А ведь если вспоминать историю... Листая пыльные учебники, я нахожу удивительные вещи. Люди даже под гнётом жесточайших запретов умели радоваться жизни. Когда всё было плохо – война, нищета, – они находили в себе крошечную искру счастья. Они танцевали на ярмарках, хотя завтра могли умереть с голоду. Они пели песни под гитару в холодных землянках, хотя пули свистели над головой. Они любили так, будто завтра не наступит, и это завтра действительно часто не наступало, но они успевали. Успевали прожить свой миг настоящими.

Их не волновало мнение? Нет, волновало, конечно. Но страх осуждения был меньше страха не успеть пожить. Их не волновало, что с ними может произойти? Волновало, но они не позволяли этому страху остановить себя. Они просто делали. Жили. Чувствовали.

А мы? Чем мы хуже?

Мы сыты, одеты, защищены от болезней. У нас есть интернет, который даёт иллюзию связи со всем миром. У нас есть всё, кроме главного – права на искренность. Мы задыхаемся в собственных клетках, построенных из чужих ожиданий. И никто не решается выломать её дверь, потому что «а что подумают соседи?»

Люди стали жестокими. Каждое новое поколение – неопровержимое доказательство того, что мир начинает гнить. Гнить медленно и необратимо. Гнить от кончиков листьев до самых толстых корней, уходящих глубоко в землю, в ту самую почву, что вскормила наших предков. Листья – это молодёжь, которая уже не помнит, зачем просыпаться по утрам, если не ради лайков и просмотров. Ветви – это взрослые, погрязшие в кредитах и работе, потерявшие себя в погоне за стандартами. Ствол – это старики, которые передали детям свою усталость и обиды вместо мудрости. Корни – это память рода, которая истлела, потому что мы перестали передавать её дальше.

Смотря на общество, хочется крикнуть: «Где ты потерял свой крошечный мозг, человек? Опомнись!». Но я не кричу. Я только смотрю. Кричать бесполезно – меня никто не услышит. Я слишком далеко. Или слишком близко? Я – часть всего этого? Нет. Я – над этим. Я та, кто записывает.

Так нельзя, конечно. Нельзя судить, нельзя навешивать ярлыки. Но и терпеть, молча наблюдать, как мир катится в пропасть, – тоже бесполезно. Терпение – это тоже выбор, и

часто самый трусливый.

Мы считаем – каждый из нас считает, – что он непонятый другими. Что он – уникальный, особенный, единственный в своём роде цветок в поле бездушных сорняков. Что только он один способен постичь всю глубину своей души, только он чувствует тоньше, видит дальше, страдает искреннее.

Нет.

Мы все глубоко заблуждаемся. Мы не одни такие. Мы – толпа одиночеств, которые отчаянно хотят быть замеченными, но боятся признаться в этом даже себе. Мы перенимаем привычки друг друга, как заразу. Ребёнок берёт первичные качества от родителей – их страхи, их способы реагировать на боль, их модели любви. Вторичные – у круга общения: у друзей, у учителей, у блогеров, у случайных попутчиков в метро, чьи фразы врезаются в память. Родители тоже когда-то были детьми и брали своё у своих родителей и у своих друзей. И так до бесконечности, до первого человека, до первой искры, зажёгшей этот костёр повторений.

Мир цикличен. Мы – крупинки во вселенной. Песчинки в пустыне. Капли в океане. Нам кажется, что мы управляем своей судьбой, но мы лишь исполняем партии, написанные задолго до нашего рождения. Иногда мы фальшивим, иногда попадаем в ноты, но музыка всегда одна. Та же мелодия боли, надежды, разочарования и редких мгновений счастья, ради которых, наверное, всё и затевалось.

Я смотрю на людей и вижу не лица, а маски. Я слышу не

голоса, а эхо чужих слов. Я чувствую не боль, а отражение боли, переданное через поколения.

Но иногда – очень редко – среди этой серой массы мелькает что-то настоящее. Тот, кто ещё не научился прятаться. Тот, кто ещё помнит, как пахнет утро, если проснуться до того, как город наполнится шумом. Тот, кто плачет не для того, чтобы вызвать жалость, а потому что слёзы сами бегут – и не стыдится их вытирать рукавом прямо на людях.

Глава 1. Сонный ангел

Серый город. Я смотрю на него сверху, и мне кажется, что кто-то забыл раскрасить этот мир. Оставил эскиз, набросок, черновик, который никто не удосужился превратить в нечто живое. Толпы людей текут по артериям улиц, равнодушно задевая друг друга плечами. Они не видят лиц, только функции: пассажир, продавец, прохожий, препятствие. Бесконечный поток железа – машины, автобусы – заполнил пространство между домами так плотно, что кажется, сам воздух состоит из выхлопных газов и усталости.

Даже небо не хочет становиться лучше. Оно висит низко, тяжелое, влажное, цвета старого бетона. Солнце бывает здесь редким гостем, и когда оно все-таки проглядывает сквозь тучи, люди не поднимают голов. Им неинтересно. Им всегда неинтересно.

Я скольжу взглядом по переулкам, ищу что-то живое, настоящее. И нахожу. Но лучше бы не находила.

В узком проходе между двумя высотками трое подростков пристали к мальчишке лет десяти. Он прижимает к груди рюкзак, сжимается, пытается стать маленьким, невидимым. Один из подростков толкает его в плечо – вроде бы легко, играючи, но мальчик отшатывается к стене. Второй смеется и выхватывает из кармана его куртки телефон. Старенький, с разбитым экраном. Мальчик тянет руку, хочет забрать, но

получает новый толчок, теперь сильнее, в грудь. Он падает в грязь, смешанную с прошлогодними листьями. Подростки уходят, не торопясь, перекидывая телефон друг другу, как мячик. Мальчик сидит на земле и не плачет. Он просто сидит. Потом встает, отряхивает штаны и идет дальше, даже не оглядываясь. Он знал, что так будет. Он знал, что никто не поможет. И это, пожалуй, страшнее самой жестокости – принятие ее как нормы.

И все это называют «жизнью».

Я отворачиваюсь. Не потому, что мне больно смотреть. Просто я знаю, что таких сцен сейчас сотни, тысячи в этом городе. В каждом дворе, в каждом подъезде, за каждой дверью. Можно ли считать это жизнью?

Переношусь на другой конец города. Здесь воздух чуть чище ближе к окраинам, где город выдыхается и начинает задумываться о том, чтобы превратиться в лес. Но не превращается.

Старая пятиэтажка, облезлая, с осыпающейся штукатуркой, стоит у дороги. Из подъезда, громыхнув железной дверью, выходит старушка. Она маленькая, сгорбленная, в цветастом платке, из-под которого выбиваются седые волосы. В одной руке она держит небольшой пакет, другой нервно шелкает семечки, сплевывая шелуху себе под ноги. Она идет не очень быстро, но так стремительно, будто боится опоздать на поезд, который уходит прямо сейчас. Ее цель – группа таких же старушек, сидящих на потрескавшейся деревянной

лавочке возле соседнего подъезда.

Они что-то обсуждают. Я прислушиваюсь. Голоса резкие, скрипучие, как несмазанные петли.

– А она говорит: «Я тебе не обязана!» Представляешь? Я ей жизнь дала, а она...

– Да что ты, у моей вообще совести нет. Приходит, ест, спит и ничего не делает. А я ей квартиру оставлю, между прочим!

– Внучка моя опять двойку принесла. Говорю: «Учись, дура, а то будешь, как мы, всю жизнь горбатиться».

– Слышали, у Петровых сын спился совсем. Жалко, такой мальчик был хороший.

Они качают головами, цокают языками, осуждают, жалеют, злятся. Они сидят здесь каждый день, в любую погоду, дома их никто не ждет. Потому что там – пустота и тишина, а здесь хоть иллюзия жизни, общности. Они злые? Нет. Они просто устали. И усталость эту они принимают за мудрость.

На детской площадке рядом с лавочкой играют малыши. Песочница, ржавые качели, горка с облупившейся краской. Дети копаются в песке, и лица у них сосредоточенные, серьезные. Мальчик лет четырех находит стеклышко, зелёное, от старой бутылки, отшлифованное водой и временем до состояния мутного драгоценного камня. Он поднимает его к свету, смотрит сквозь него на небо, и мир для него становится зеленым, таинственным, волшебным. Он смеется, бежит к маме, стоящей неподалеку и уткнувшейся в телефон, тянет

руку с сокровищем:

– Мама, смотри! Камушек! Он светится!

Мать даже не поднимает глаз. Она машинально отмахивается:

– Отстань, потом. Не бери в рот, грязный же.

Мальчик замирает. Рука с «сокровищем» опускается. Он смотрит на стеклышко еще секунду, а потом бросает его в песок. Идет обратно к горке. Уже не смеется. Он уже понял, что его радость никому не нужна. Еще немного – и он перестанет радоваться вообще. Научится прятать свои чувства глубоко-глубоко, чтобы мама не отмахивалась, чтобы не было больно.

А если бы они с самого начала всё знали? Если бы эти дети родились уже с пониманием того, что их ждет? Школа, где унижают. Работа, которую ненавидят. Отношения, в которых используют. Старость, в которой забывают. Если бы они знали, что с ними будет, и зачем они появились в этом мире... Думаю, они были бы не очень счастливы. Ни сейчас, копаясь в песке, ни потом.

Но, глядя на их родителей, стоящих кучками у песочницы с такими скучающими, недовольными, самовлюбленными лицами, я понимаю: эти взрослые тоже ничего не поняли. Они тоже не знают, зачем здесь. Они просто существуют, перекладывая свои невроты, свои обиды, свою усталость на тех, кто слабее. На своих детей.

Что значит любить своих детей?

Дарить игрушки каждый раз, когда тот плачет, лишь бы замолчал? Радоваться каждой минуте, когда они в садике, потому что дома от них шум и грязь? Вместо того чтобы объяснить, как можно, а как нельзя, просто сунуть в руки телефон и отвернуться? Кричать, срывая голос, от бессилия и усталости? Бить со словами «бесполезный», «ничтожество», «все из-за тебя»? А потом, когда ребенок вырастает, требовать благодарности? Говорить: «Мы в тебя всю жизнь вкладывали, а ты...», «Ты нас не ценишь», «Мы не такими тебя растили»?

Зачем тогда всё это?

Благодаря такой «любви» вырастают люди. Безжалостные. Алчные. Злые. Завистливые. Упрямые до одури, потому что в детстве им не давали права выбора. И мы удивляемся, глядя на общество: «Что с ним не так?». А вы на себя посмотрите. Вы и есть это общество. Каждый из вас.

Несчастливые люди...

Если быть точным – несчастны их мысли и их судьбы. Мысли, запертые в клетках обид и долженствований. Судьбы, повторяющие судьбы родителей, потому что другого образца никто не показал.

Если бы в этом мире никто не жаловался и не злился, если бы никто не передавал дальше эту эстафету боли... Может, всё было бы иначе? Но мы никогда этого не узнаем. Людям показали боль и ненависть, и теперь они уязвимы перед любыми чувствами. Это как научить ребенка говорить, а потом

заткнуть ему рот. Невозможно.

Я смотрю на этот город, на этих людей, на эту бесконечную серость, пронизанную редкими вспышками настоящих чувств, которые тут же гасятся равнодушием. И среди всего этого я вижу её.

Она стоит на балконе двенадцатого этажа, в одной из тех бесконечных одинаковых многоэтажек, что тянутся к небу, как бетонные пальцы. На ней тонкий шёлковый халат, хотя уже холодно. Волосы растрепаны ветром.

Она смотрит вниз, на дорогу, на людей, на машины. Но она их не видит. Ее глаза пусты. Нет, не пусты – в них такая глубокая, выцветшая тоска, что кажется, будто она смотрит сквозь время. В ней нет злости, нет отчаяния. Только усталость. Та самая усталость, которая бывает у людей, переставших ждать чуда.

Адель.

Ей двадцать пять. У неё есть работа, которая не приносит радости, но приносит деньги, чтобы платить за эту квартиру, где она всегда одна. У неё есть родители, которые звонят по праздникам и говорят, что пора бы уже родить и устроить личную жизнь. У неё есть подруги, которые стали чужими, потому что у всех свои семьи, свои заботы, свои новые миры, куда ей вход заказан. У неё есть прошлое, которое болит. И настоящее, которое не лечит.

Она смотрит на город, и город смотрит на неё сотнями окон, равнодушных, как глаза тех подростков в переулке. Го-

род не видит её боли. Городу всё равно.

Адель заходит в комнату. Везде порядок, но порядок мертвый – как в музее, где давно не было посетителей. Ни одной лишней вещи, ничего живого. Только на подоконнике стоит ваза. Пустая ваза, в которой давно никто не держал цветы.

Она ложится на диван, поджимает колени к груди, закрывает глаза. Она не плачет – слёзы кончились месяц назад, когда в очередной раз поняла, что надеяться не на что. Она просто лежит, слушает, как за стеной шумят соседи, как лает собака на улице, как мир продолжает жить своей шумной, чужой жизнью.

– Я больше не хочу здесь быть, – шепчет она в пустоту.

Никто не слышит. Но я слышу. Я всегда слышу таких, как она. Тонких. Сломленных. Увядających. Как роза, которую забыли полить.

Глава 2. Последний лепесток

Утро приходит всегда одинаково. Не с рассветом, потому что рассвета в этом городе не видно – только небо светлеет от черного к серому, будто кто-то понемногу разбавляет тушь водой. И не с солнцем, потому что солнце здесь редкость, а с назойливым пиликаньем будильника в телефоне. Адель протягивает руку, не открывая глаз, нащупывает холодный пластик, проводит пальцем по экрану. Тишина. Можно полежать еще минуту, собирая силы.

В комнате полумрак. Шторы задернуты плотно, как веки, не пропускают даже тот скудный свет, что сочится с улицы. Адель лежит на спине, глядя в потолок. Там, на белой поверхности, трещина – тонкая, извилистая, похожая на карту неизвестной реки. Она появилась года три назад, и Адель изучила каждый ее изгиб за эти бессонные ночи, когда сон не шел, а мысли кружили по замкнутому кругу, как лошади на арене цирка.

Сегодня понедельник. Понедельники она не ненавидит – это слишком сильно. Они просто есть. Как есть вторники, среды и все остальные дни, сливающиеся в одну серую ленту, которую разматываешь с утра и сматываешь вечером, чтобы завтра начать сначала.

Адель садится на кровати, опускает ноги на холодный пол. Ламинат неприятно холодит ступни, но она не спешит обу-

ваться – это маленькое наказание себе за то, что проснулась. За то, что снова придется жить.

В ванной она смотрит на себя в зеркало. Двадцать пять лет. Вроде бы молодость, расцвет, самое время. А в глазах – тихая, спокойная пустота, как в заброшенном доме, где когда-то жили люди, а теперь только ветер гуляет по комнатам. Темные волосы собраны в небрежный пучок на затылке, несколько прядей выбились, падают на лицо. Она их не убирает. Кожа бледная – то ли от природы, то ли от того, что бывать на улице в светлое время суток получается редко. Губы бледные, без помады. Зачем? Идти все равно некуда, кроме офиса, а там на нее смотрят сквозь, как на предмет мебели.

Она умывается холодной водой – это бодрит, прогоняет остатки сна. Чистит зубы, думая о своем. О чем? Ни о чем. Мысли путаются, разбегаются, как тараканы при свете, не поймает ни одной.

Завтрак. Чёрный чай без сахара. Два кусочка хлеба с сыром. Она жуёт медленно, глядя в окно на кухне. Там, за стеклом, серый город уже проснулся. Машины ползут по дороге, как жуки, люди торопятся кто куда. Адель видит их, но не различает лиц. Для нее они – часть пейзажа, такие же неодушевленные, как деревья или столбы.

Она вспоминает вчерашний вечер. Было воскресенье, самый тяжелый день в неделе, потому что потом на работу. Она просидела на балконе почти час, просто глядя вниз. Просто сидела, обхватив колени руками, и смотрела, как зажигаются

окна в доме напротив. Чужие жизни, чужие радости, чужие проблемы. У кого-то свет горел на кухне – готовили ужин. У кого-то в комнате – смотрели телевизор. У кого-то мигал – наверное, ребенок играл, включал и выключал.

Она никому не завидовала. Просто чувствовала себя очень далеко от всех этих огней. Как будто она на другой планете, откуда видно чужую жизнь, но никогда не дотянуться.

Телефон звякнул. Сообщение от матери.

«Дочь, привет. Как дела? Позвони, когда будет время».

Адель отложила телефон. Позвонить? А что сказать? Что всё по-прежнему? Что работа есть, здоровья нет, счастья нет, смысла нет? Мать расстроится, начнет читать нотации: «А ты бы вышла куда-нибудь, познакомилась с кем-нибудь, вон в твоём возрасте я уже замужем была, тебя родила». Или ещё хуже: «Ты просто не хочешь ничего делать, ленивая, раскисла, возьми себя в руки». Мать не понимала. Никогда не понимала. Она из тех людей, которые считают, что депрессия – это блажь, что если человек не сломал ногу и не лежит с температурой, то он просто притворяется, чтобы ничего не делать.

Адель не винила её. Просто знала, что говорить с ней бесполезно. Поэтому написала в ответ: «Всё хорошо, мам. Позвоню на неделе». И убрала телефон.

Сегодня понедельник. Надо собираться на работу.

Она работает в небольшой фирме, которая занимается

чем-то с документами. Адель толком не может объяснить, чем именно, потому что ей всё равно. Она приходит, садится за свой стол, открывает компьютер, проверяет почту, раскладывает бумаги, вносит данные в таблицы. Иногда звонит клиентам, говорит вежливым голосом: «Здравствуйте, вас беспокоят из компании...», а сама смотрит в окно, на серое небо, и думает о том, что будет на обед. Коллеги её не трогают. Она им неинтересна – слишком тихая, слишком незаметная. Сидит себе в углу и сидит. Иногда кто-нибудь спросит: «Адель, как дела?» Она ответит: «Нормально». И всё, разговор исчерпан.

Она не жалуется. Жаловаться – значит признавать, что тебе что-то нужно, а она уже давно ничего не хочет. Не хочет повышения, не хочет новой машины, не хочет отпуска на море. Море... Она была один раз, лет в восемнадцать, с классом после выпускного. Помнит солёную воду, песок, крики чаек. Тогда ей понравилось. А сейчас – зачем? Ехать одной, смотреть на чужие счастливые семьи, на влюблённые парочки, чувствовать себя ещё более одинокой? Нет, уж лучше дома, в своей тишине.

Сегодняшний день тянется особенно медленно. Часы будто застыли. Адель смотрит на монитор, цифры плывут перед глазами. Она делает работу на автомате, руки помнят, что надо нажимать, голова отключена. Обед. Она спускается в маленькую столовую на первом этаже, берёт суп и салат, садится в углу. Ест, не чувствуя вкуса. Рядом коллеги обсуж-

дают какой-то сериал, смеются. Ей не хочется к ним, и они не зовут.

После обеда – снова таблицы, снова цифры, снова серая стена за окном. И так до шести, пока стрелки не доползут до заветного часа.

Выходя из офиса, Адель вдыхает прохладный вечерний воздух. В нем пахнет выхлопными газами и мокрым асфальтом – недавно прошел дождь. Она идёт к остановке, сливаясь с толпой таких же уставших людей. Никто не смотрит друг на друга, все в своих телефонах, в своих мыслях. Метро, вагон, мелькание станций за окном, чужие лица, чужие разговоры, которые врезаются в уши обрывками:

– Он сказал, что не придёт, представляешь?

– А я ей: так нельзя, а она...

– Скинь ссылку, потом посмотрю...

Адель выходит на своей станции, идет к дому. Магазин у дороги, она заходит купить хлеба, молока, сыра. Кассирша пробивает покупки, даже не взглянув на неё. Автоматическое «оплачено», и Адель выходит на улицу.

Дома она переодевается в домашнее – старые мягкие штаны и растянутый свитер, который помнит ещё студенческие времена. Готовит ужин – макароны с сыром, быстро и привычно. Ест перед телевизором, включив какой-то сериал, чтобы в комнате были хоть какие-то звуки. Тишина давит, если долго сидеть в ней.

После ужина она выходит на балкон. Тот самый, двена-

дцатый этаж, вид на город, на огни, на реку машин вдалеке. Ветер треплет волосы, шевелит края старого пледа, который она накинула на плечи. Холодно, но она не хочет заходить внутрь. Там душно, там стены, там тишина, которая требует, чтобы её заполнили. А здесь – ветер, движение, жизнь. Чужая, но хотя бы видимая.

Она смотрит на горизонт, где небо сливается с землей в сплошной черноте, и думает. Не о чём-то конкретном, просто мысли текут, как та речка на потолке. О том, что ей двадцать пять, а кажется – пятьдесят. О том, что она ни разу не была влюблена по-настоящему, только в школе, в мальчика из параллельного класса, да и то – глупо, издалека, с записками, которые она так и не передала. О том, что друзья разъехались кто куда, а с кем осталась – те стали чужими, потому что у них семьи, дети, ипотеки, а у нее ничего общего с ними нет.

Иногда ей кажется, что она спит. Что вся эта жизнь – долгий, тягучий, серый сон, из которого никак не проснуться. И если бы она могла не просыпаться завтра – она бы не просыпалась. Просто жить вот так – невыносимо.

Она вспоминает пролог, который читала когда-то в какой-то книге. Там было написано: «Нет истории, которую не смогли бы рассказать книги». А у неё нет истории. У неё есть только дни, похожие друг на друга, как капли воды. Работа – дом – работа – дом. Ничего не происходит. Никто не приходит. Ничего не меняется.

Адель вздыхает и хочет уже зайти в комнату, как вдруг замечает внизу, на скамейке у подъезда, какую-то странную фигуру. Старуха. Она сидит одна, хотя обычно здесь собираются местные бабульки, щелкают семечки, обсуждают политику и соседей. А эта сидит молча, не шевелясь, и смотрит прямо наверх. На Адель.

Странно. Слишком темно, чтобы разглядеть лицо, но Адель почему-то видит его – морщинистое, с глубокими глазами, в которых светится что-то древнее, почти нечеловеческое. Старуха смотрит неотрывно, и Адель чувствует, как по спине пробегает холодок. Не страх, нет. Что-то другое. Любопытство? Узнавание?

Она отворачивается и быстро заходит в комнату. Задергивает штору, хотя обычно этого не делает. Странное чувство не отпускает. Кто это? Почему она смотрела?

Адель ложится на диван, пытаясь забыть. Включает телефон, листает ленту – чужие фото, чужие радости, чужие успехи. У кого-то свадьба, у кого-то ребенок родился, у кого-то путешествие в теплые страны. Все живут, а она просто существует.

Телефон звякает – уведомление о сообщении. Странно, в такое время никто обычно не пишет. Адель открывает.

Незнакомый номер. Сообщение короткое: «Ты готова увидеть другой мир?».

Адель смотрит на экран, и сердце почему-то начинает биться быстрее. Глупость, наверное, спам, или кто-то ошиб-

ся номером. Она хочет удалить, но палец замирает над экраном.

В дверь звонят.

Адель вздрагивает. Кто может быть в одиннадцатом часу вечера? Соседи? Нет, они никогда не звонят. Она подходит к двери, смотрит в глазок. Никого. Пустая лестничная клетка, тусклый свет лампочки, обшарпанные стены. Она открывает дверь, выглядывает. Ни души. И тут замечает на полу, прямо у порога, маленькую коробочку, перевязанную грубой бечевкой, старую, потёртую, будто ей сто лет.

Адель наклоняется, берет её. Коробочка лёгкая, почти невесомая. Она заходит в квартиру, закрывает дверь, садится на диван. Долго смотрит на находку, не решаясь открыть. Потом развязывает бечёвку. Внутри – брошь. Старинная, серебряная, с большим камнем – янтарём. А внутри янтаря застыл бутон розы. Увядавшей, с поникшими лепестками, но такой живой, такой настоящей, будто её только что сорвали и поместили в смолу. На обратной стороне выгравированы слова, полустёртые, едва различимые: «Вернись туда, где не была».

Адель вертит брошь в руках. Сердце колотится где-то в горле. Откуда это? Кто принёс? Старуха с лавочки?

Она подходит к окну, отдёргивает штору. Смотрит вниз. Скамейка пуста.

Адель возвращается на диван, сжимая брошь в ладони. Странное тепло разливается по пальцам, поднимается выше,

к запястью. Или ей кажется? Мысли путаются. Она устала, это точно. Весь день, весь месяц, вся жизнь – сплошная усталость. Наверное, это просто розыгрыш, чья-то глупая шутка. Завтра надо будет спросить у соседей, может, видели кого...

Она кладёт брошь на тумбочку, ложится на подушку. Глаза слипаются сами собой. В голове последняя мысль: «Как странно... Кому я нужна...».

Она засыпает быстро, как проваливается. И во сне ей снится поле. Бескрайнее, зелёное, с цветами, которых она никогда не видела. Ветер колышет траву, и где-то далеко, на холме, стоит человек. Она не видит лица, но знает – он ждёт. Адель хочет сделать шаг к нему, но просыпается.

Будильник ещё не звонил. В комнате темно. Только слабый свет уличных фонарей пробивается сквозь шторы. Она смотрит на тумбочку. Брошь лежит на месте, тускло поблёскивая янтарём. И вдруг Адель замечает: на подушке, рядом с её щекой – маленький увядший лепесток розы. Откуда он здесь? У неё нет цветов, не было уже давно. Ваза на подоконнике пуста. Она берет лепесток, кладет на ладонь. Он такой же, как в янтаре – нежный, прозрачный на свету, с коричневыми краями увядания.

Что это? Сон? Явь?

Адель сжимает лепесток в кулаке, закрывает глаза. И шепчет в пустоту:

– Я больше не хочу здесь быть.

Эхо её голоса тает в тишине комнаты. За стеной начина-

ет лаять соседская собака. Где-то вдалеке сигналиит машина.
Мир просыпается к новому серому дню.

Адель открывает глаза.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.